

ВРЕМЯ, ВПЕРЕД

ПЕРЕДО МНОЙ лежит старая тетрадь. Это роль молодого инженера Маргулеса из пьесы Валентина Катаева «Время, вперед!», созданной по его известному одноименному роману. Спектакль шел десятки лет назад на московской сцене бывшего театра Корша.

Страницы роли испещрены густой сетью пометок, сделанных мной на репетициях, в долгие часы работы над ролью. Радостной была для нас встреча с героями катаевского повествования, энтузиастами первой пятилетки. Мы с ними быстро сдружились, полюбили их за бурный, жизнедеятельный темперамент. Нам по душе пришелся весь их привлекательный облик молодых ударников социалистического труда. Они и нас заряжали творческой энергией.

И вот я снова с ними встретился, как со своими давнишними друзьями, но на сей раз как сегодняшней зритель интересного, темпераментного фильма — экранизации романа Валентина Катаева. После просмотра я думал о том, какое огромное напряжение всех сил потребовалось для его создания и как этот драгоценный стук творческой энергии, вложенный в картину постановочным коллективом, во многом сродни энтузиазму самих творцов первой пятилетки, которые живут и действуют в фильме. Молодые актеры через годы, разделяющие их с энтузиастами первой пятилетки, творчески с ними побратались. Именно эта родственность трудовых и творческих усилий разных поколений советских людей, общность их социальных интересов, страсть созидания и составляют существо девиза: «Время, вперед!», силу его преемственности, притягательности.

Мысленно я переношусь ко времени еще более отдаленному — к великим дням Октября. Они вводили нас в мир новых социальных понятий; нас впервые коснулись волны творческого энтузиазма, именно тот жар созидания, который не остывал и в дальнейшем на путях развития советского искусства.

Актер октябрьского поколения! В ту пору время нам, молодым людям искусства, не потворствовало, нас не баловало. Оно строго с нас спрашивало. Мы старались поспевать за временем, устремленным вперед, ревниво не уступали своего места в общем строю, старались сверять внутренний ритм своего творчества по живому пульсу времени.

Харьков — страна моей далекой сценической молодости. С кипучими днями Октябрьской революции связаны и дни трепетного освоения глубинных тайн сценического искусства. Ночью, в нетопленной артистической комнате, служившей одновременно и квартирой, укрывшись боярской шубой, взятой в гардеробной театра, я без конца повторял сыгранную сегодня роль или срочно готовился к новой. День встречал меня холодом застывших окон, остывшей «буржуйкой», привычным чувством голода и неукротимой страстью к сцене. Сыграв, бывало, великолепного графа Меттерниха в ролях востановском «Орленке», сняв расшитый золотом камзол или великосветский фрак барона, я бодро шагал в огромных валенках за

клубным пайком — драгоценным куском антрацита, кулком пшеницы, краюхой хлеба и ржавой селедки.

В театр пришел новый зритель, доселе, быть может, никогда и не переступавший его порога. Нередко в партере сидел увешанный пулеметными лентами матрос. После конца спектакля он простуженным, охрипшим на фронтах голодом что есть силы вызывал актеров и снова уходил на фронт, чтобы, быть может, больше никогда в жизни не увидеть раздвигающегося театрального занавеса. Сколько раз потом ленточки его легендарной бескозырки мелькали по всем сценам наших театров, и актеры показывали потрясенному зрителю его жизнь, борьбу, революционный энтузиазм, а нередко и гибель за дело революции.

ТЕМА ЭНТУЗИАЗМА настолько всеобъемлюща, ее диапазон так широк и многогранен, что даже малейшее к ней приобщение всегда сулит приток новых мыслей, чувств, обобщений. Нам, людям советского искусства старшего поколения, хорошо знакома каждая веха на многолетних и сложных путях его развития, четко запомнился облик подлинных энтузиастов, творческий вклад, внесенный каждым из них в общую сокровищницу нашего искусства, тех, кто поистине знал «одной лишь думы власть, одну — но пламенную страсть» — искусство!

Мне вспоминается одна из встреч с артистом Николаем Черкасовым в гостинице «Москва», в вестибюле, примыкающем к парикмахерской. Дождаюсь своей очереди, я издали заметил Черкасова. Он о чем-то сам с собой разговаривал, энергично жестикулируя, обращался к кому-то невидимому. Знакомое актерское состояние! — готовил новую роль или повторял старую. Я не хотел его окликать, чтобы не помешать. Но, увидев меня, Черкасов сам направился в мою сторону, подсел рядом, однако не смог сразу же переключиться на обыденную беседу. И снова то стремительно вскакивал со стула, то снова присаживался, чтобы увлеченно объяснить мне суть репетируемого отрывка, затем начинал почти в полный голос произносить отдельные фразы.

Актера лихорадило творчество. Одержимость! Самозабвенность в искусстве! Энтузиазм! Как редко мы стали произносить эти драгоценные, полные глубочайшего смысла и темперамента слова. Они стали почему-то считаться старомодными. А жаль! Эти понятия — наша давнишняя и прекрасная традиция. Именно такому возвышенному отношению к искусству мы учились у наших старших наставников. Этому нас учила жизнь, революционный пафос великого времени.

Тогда Черкасов готовил роль академика Дронова в пьесе С. Алехина «Все остается людям». Но на таком пределе творческого накала он работал всегда, даже тогда, когда тяжелая болезнь сковывала его силы. Актер напрягал всю свою творческую волю, вовлекая и своих партнеров в мир возвышенного искусства, сердечности отношений, взаимопомощи. Истинный художник никогда не замыкается в узком кругу своих профессиональных интересов, личного благополучия. Он всегда ощущает живую потребность щедро делиться накопленными

знаниями. Сколько прекрасных примеров, не предназначенных для внешнего эффекта и показного великодушия, запечатлела наша благодарная память.

Как самое дорогое воспоминание хранит в своем сердце актриса Малого театра Констанция Рокк ту теплоту и внимание, которыми окружили ее дебют в трудной роли Ларисы в «Бесприданнице» Островского многие старейшие мастера Малого театра. Особенно трогательной была забота замечательной актрисы Варвары Николаевны Рыжковой. В день премьеры, стремясь создать для Рокк наиболее благоприятную обстановку творческой сосредоточенности, покоя, уверенности в своих силах, Рыжкова рано утром привезла молодую актрису к себе домой. Эта опека старой актрисы излучала духовную красоту, служила наглядным действенным примером конкретной связи творческих поколений.

СТРАНИЦЫ старой роли не только всколыхнули воспоминания, но и заново привлекли внимание ко многому повседневному, привычному, к тому, что порой как бы растворяется в общем потоке каждодневных впечатлений.

Телезрителям, вероятно, запомнился творческий вечер очень интересного, своеобразного актера И. Лапикова. Вел этот вечер Михаил Ульянов. Покорили внутренняя увлеченность, глубокая заинтересованность, с которыми он рассказывал о своем товарище по искусству.

Такое же впечатление произвел и содержательный телевизионный рассказ Алексея Баталова о творческом и жизненном пути своего ровесника по профессии Иннокентия Смоктуновского. И на этот раз преобладала все та же внутренне связующая эти два выступления тема глубокой заинтересованности художника в общем развитии нашего советского искусства, росте его мастеров. Мы ощутили тот бескорыстный дух товарищества, который всегда так озонирующе воздействует на творческую атмосферу каждого коллектива, одушевляет взаимоотношения людей. В прошлое уходят отношения, проинкнутые духом зависти, — вся эта ржавчина, разъедающая живую душу искусства.

...Я еще раз листаю пожелтевшие от времени листы бумаги с текстом роли, а как дорогую реликвию прячу их в укромное место. Мне живо представилось, что именно в эти минуты молодой артист сосредоточенно склонился над страницами роли своего современника. Он торопливо заполняет их записями, чтобы не забывать удачной творческой находки, точней расставить в роли социальные акценты, которые с наибольшей выразительностью помогут ему не только ярко воплотить на сцене, экране образ нашего героического современника, но и обличить все то, что мешает ему жить и творить. Пожелаем молодому художнику радостных свершений, удач, и чтобы ни один из пресловутых переживков не искалжил его облика артиста, призванного быть проповедником красоты и правды. Пусть неумолчные поэзыные — время, вперед! — всегда служат ему живым ориентиром на большом и прекрасном пути в искусстве, как верно служил этот девиз старшим поколениям советских художников.

С. МЕЖИНСКИЙ,
народный артист РСФСР.

Известия, Москва, 1967, 7 авг.

ВРЕМЯ, ВПЕРЕД

ПЕРЕДО МНОЙ лежит старая тетрадь. Это роль молодого инженера Маргулиса из пьесы Валентина Катаева «Время, вперед!», созданной по его известному одноименному роману. Спектакль шел десятки лет назад на московской сцене бывшего театра Корша.

Страницы роли испещрены густой сетью пометок, сделанных мной на репетициях, в долгие часы работы над ролью. Радостной была для нас встреча с героями катаевского повествования, энтузиастами первой пятилетки. Мы с ними быстро сдружились, полюбили их за бурный, жизнедеятельный темперамент. Нам по душе пришлось весь их привлекательный облик молодых ударников социалистического труда. Они и нас заряжали творческой энергией.

И вот я снова с ними встретился, как со своими давнишними друзьями, но на сей раз как сегодняшний зритель интересного, темпераментного фильма—экранизации романа Валентина Катаева. После просмотра я думал о том, какое огромное напряжение всех сил потребовалось для его создания и как этот драгоценный сгусток творческой энергии, вложенный в картину постановочным коллективом, во многом сродни энтузиазму самих творцов первой пятилетки, которые живут и действуют в фильме. Молодые актеры через годы, разделяющие их с энтузиастами первой пятилетки, творчески с ними побратались. Именно эта родственность трудовых и творческих усилий разных поколений советских людей, общность их социальных интересов, страсть созидания и составляющий существо девиза: «Время, вперед!», силу его преемственности, притягательности.

Мысленно я переношусь ко времени еще более отдаленному — к великим дням Октября. Они вводили нас в мир новых социальных понятий; нас впервые коснулись волны творческого энтузиазма, именно тот жар созидания, который не остывал и в дальнейшем на путях развития советского искусства.

Актер октябрьского поколения! В ту пору время нам, молодым людям искусства, не потворствовало, нас не баловало. Оно строго с нас спрашивало. Мы старались поспевать за временем, устремленным вперед, ревниво не уступали своего места в общем строю, старались сверять внутренний ритм своего творчества по живому пульсу времени.

Харьков — страна моей далекой сценической молодости. С кипучими днями Октябрьской революции связаны и дни трепетного освоения глубинных тайн сценического искусства. Ночью, в нетопленной артистической комнате, служившей одновременно и квартирой, укрывшись боярской шубой, взятой в гардеробной театра, я без конца повторял сыгранную сегодня роль или срочно готовился к новой. День встречал меня холодом заиндеветших окон, остывшей «буржуйной», привычным чувством голода и неукротимой страстью к сцене. Сыграв, бывало, великолепного графа Меттерниха в ростановском «Орленке», сняв расшитый золотом камзол или великосветский фрак барона, я бодро шагал в огромных валенках за

клубным пайком — драгоценным куском антрацита, кулком пшеницы, краюхой хлеба и ржавой седлкой.

В театр пришел новый зритель, доселе, быть может, никогда и не переступавший его порога. Нередко в партере сидел увешанный пулеметными лентами матрос. После конца спектакля он простуженным, охрипшим на фронтах голодом что есть силы вызывал актеров и снова уходил на фронт, чтобы, быть может, больше никогда в жизни не увидеть раздвигающегося театрального занавеса. Сколько раз потом ленточки его легендарной бескозырки мелькали по всем сценам наших театров, и актеры показывали потрясенному зрителю его жизнь, борьбу, революционный энтузиазм, а нередко и гибель за дело революции.

ТЕМА ЭНТУЗИАЗМА настолько всеобъемлюща, ее диапазон так широк и многогранен, что даже малейшее к ней приобщение всегда сулит приток новых мыслей, чувств, обобщений. Нам, людям советского искусства старшего поколения, хорошо знакома каждая веха на многолетних и сложных путях его развития, четко запомнился облик подлинных энтузиастов, творческий вклад, внесенный каждым из них в общую сокровищницу нашего искусства, тех, кто поистине знал «одной лишь думы власть, одну — но пламенную страсть» — искусство!

Мне вспоминается одна из встреч с артистом Николаем Черкасовым в гостинице «Москва», в вестибюле, примыкающем к парикмахерской. Дождавшись своей очереди, я издала заметил Черкасова. Он о чем-то сам с собой разговаривал, энергично жестикулируя, обращался к кому-то невидимому. Знакомое актерское состояние! — Готовил новую роль или повторял старую. Я не хотел его окликать, чтобы не помешать. Но, увидев меня, Черкасов сам направился в мою сторону, подсел рядом, однако не смог сразу же переключиться на обыденную беседу. И снова то стремительно вскакивал со стула, то снова присаживался, чтобы увлеченно объяснить мне суть репетируемого отрывка, затем начинал почти в полный голос произносить отдельные фразы.

Актера лихорадило творчество. Одержимость! Самозабвенность в искусстве! Энтузиазм! Как редко мы стали произносить эти драгоценные, полные глубочайшего смысла и темперамента слова. Они стали почему-то считаться старомодными. А жаль! Эти понятия — наша давнишняя и прекрасная традиция. Именно такому возвышенному отношению к искусству мы учились у наших старших наставников. Этому нас учила жизнь, революционный пафос великого времени.

Тогда Черкасов готовил роль академика Дронова в пьесе С. Алешина «Все остается людям». Но на таком пределе творческого накала он работал всегда, даже тогда, когда тяжелая болезнь сковывала его силы. Актер напрягал всю свою творческую волю, вовлекая и своих партнеров в мир возвышенного искусства, сердечности отношений, взаимопомощи. Истинный художник никогда не замыкается в узком кругу своих профессиональных интересов, личного благополучия. Он всегда ощущает живую потребность щедро делиться накопленными

знаниями. Сколько прекрасных примеров, не предназначенных для внешнего эффекта и показного великодушия, запечатлела наша благодарная память.

Как самое дорогое воспоминание хранит в своем сердце актриса Малого театра Констанция Рокк ту теплоту и внимание, которыми окружили ее дебют в трудной роли Ларисы в «Весприданнице» Островского многие старейшие мастера Малого театра. Особенно трогательной была забота замечательной актрисы Варвары Николаевны Рыжовой. В день премьеры, стремясь создать для Рокк наиболее благоприятную обстановку творческой сосредоточенности, покоя, уверенности в своих силах, Рыжова рано утром привезла молодую актрису к себе домой. Эта опека старой актрисы излучала духовную красоту, служила наглядным действенным примером конкретной связи творческих поколений.

СТРАНИЦЫ старой роли не только всколыхнули воспоминания, но и заново привлекли внимание ко многому повседневному, привычному, к тому, что порой как бы растворяется в общем потоке каждодневных впечатлений.

Телезрителям, вероятно, запомнился творческий вечер очень интересного, своеобразного актера И. Лапинова. Вел этот вечер Михаил Ульянов. Покорили внутренняя увлеченность, глубокая заинтересованность, с которыми он рассказывал о своем товарище по искусству.

Такое же впечатление произвел и содержательный телевизионный рассказ Алексея Баталова о творческом и жизненном пути своего ровесника по профессии Иннокентия Смоктуновского. И на этот раз преобладала все та же внутренняя связующая эти два выступления тема глубокой заинтересованности художника в общем развитии нашего советского искусства, росте его мастеров. Мы ощутили тот бескорыстный дух товарищества, который всегда так озонирующе воздействует на творческую атмосферу каждого коллектива, одушевляет взаимоотношения людей. В прошлое уходят отношения, проникнутые духом зависти, — вся эта ржавчина, разъедающая живую душу искусства.

...Я еще раз листаю пожелтевшие от времени листы бумаги с текстом роли, и как дорогую реликвию прячу их в укромное место. Мне живо представилось, что именно в эти минуты молодой артист сосредоточенно склонился над страницами роли своего современника. Он торопливо заполняет их записями, чтобы не запечатлеть удачной творческой находки, точной расставить в роли социальные акценты, которые с наибольшей выразительностью помогут ему не только ярко воплотить на сцене, экране образ нашего героического современника, но и обличить все то, что мешает ему жить и творить. Пожелаем молодому художнику радостных свершений, удач, и чтобы ни один из пресловутых пережитков не искалил его облика артиста, призванного быть проповедником красоты и правды. Пусть неумолчные поэзывные — время, вперед! — всегда служат ему живым ориентиром на большом и прекрасном пути в искусстве, как верно служил этот девиз старшим поколениям советских художников.

С. МЕЖИНСКИЙ,
народный артист РСФСР.